

СОЦИАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ: ФОРМЫ И МЕТОДЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

- *Социальная онтология и социальная теория*
- *Архитектоника социального пространства-времени в эпоху глобализации*

УДК 316.42

Социальная онтология и социальная теория

(В связи со статьей П. Штомпки «Формирование социологического воображения. Значение теории»)

А. В. Рубанов, доктор социологических наук, профессор

В статье рассматриваются три онтологических вопроса социальной теории, касающиеся, во-первых, основ социального порядка, во-вторых, природы и содержания жизнедеятельности людей, в-третьих, механизма и направления общественных изменений.

Social Ontology and Social Theory

(In connection with P. Shtompka article 'The Formation of Sociological Imagination. The Meaning of Theory')

A. Rubanau, PhD in Sociology, Professor

The article considers three ontological questions of social theory concerning: firstly, the grounds of social order, secondly, the nature and contents of people's life activity, thirdly, the mechanisms and directions of public changes.

Глобальный социально-экономический кризис возвращает в эпицентр исследовательского внимания три, как их называет известный польский социолог П. Штомпка, вечных онтологических вопроса об устройстве социальной реальности: (а) что является основой социального порядка?; (б) что составляет природу человеческой деятельности?; (в) каковы механизм и направление социальных изменений? Особенно интересен последний из этих вопросов, который непосредственно касается дальнейших путей развития человеческого сообщества. В социальной теории он всегда считался одним из самых важных, но одновременно и сложных для понимания, разнообразных по числу объяснительных конструкций.

Оценивая эволюцию подходов в объяснении этого вопроса, П. Штомпка говорит об особом парадигматическом смещении (сдвиге) в современной социальной теории. Этот парадигматический сдвиг состоит в переходе от образа эволюции или социального развития к социальному становлению (social becoming), когда акцент переносится на открытые исторические сценарии, развивающиеся с помощью решений, выбора, а также благодаря образующим сценарий случайным событиям [1, с. 496]. Очевидно, что упомянутые Штомпкой «случайные события» (собственно события,

а также конкретные личности) действительно имеют для хода истории определенное значение, но их роль не является решающей. Поэтому в поле исследовательского внимания в данном случае, на наш взгляд, должны находиться, если использовать выражение польского социолога, «открытые исторические сценарии, развивающиеся с помощью решений, выбора».

При такой интерпретации механизма социальных изменений вполне естественными являются следующие вопросы: на чем основываются и чем определяются те или иные сценарии развития, что лежит в основе принимаемых решений и сделанного выбора, когда они эффективны и в чем состоит сам критерий эффективности, кто является автором исторического выбора и т. п.

Несколько неожиданно, но вполне объяснимо, что подобное парадигматическое понимание механизма социальных изменений впервые возникло не в русле социальной философии и социологии, а в исторической науке. Очевидно, что попытки теоретической интерпретации конкретного исторического материала в данном случае оказались более продуктивными, чем акцент на построении обычно несколько умозрительных, пусть и весьма оригинальных, объяснительных схем.

Так, у известного английского историка и философа истории Р. Дж. Коллингвуда мы находим объяснение истории общества как итога усилий человека, действующего в соответствии с запросами своей жизненной практики. Отмечая данную особенность механизма социального развития, Р. Дж. Коллингвуд писал, что деятельность, в процессе которой человек создает свой постоянно изменяющийся мир, свободна. Помимо самой этой деятельности, нет иных сил, которые управляли бы ею, модифицировали ее или же заставляли принять то или иное направление, создать мир одного типа, а не другого. Но это отнюдь не означает, что человек волен поступать, как ему заблагорассудится, делать все по своему желанию. Он вынужден смотреть в лицо фактам в той ситуации, в которой очутился. Для человека, собирающегося действовать, ситуация оказывается господином, оракулом, богом. Окажутся его действия успешными или нет, зависит от правильности понимания им той ситуации, в которую он поставлен. Свобода в истории заключается в том, что цепи принуждения накладываются на деятельность человеческого разума не кем-то посторонним, а им самим [2, с. 301–303].

Но что означает «правильное понимание ситуации» и в чем состоят «цепи принуждения»? Первое достаточно адекватное объяснение этих феноменов мы находим у другого известного английского историка А. Дж. Тойнби в связи с его законом Вызова-и-Ответа. «Общество, — писал А. Дж. Тойнби, раскрывая суть этого закона, — в своем жизненном процессе сталкивается с рядом проблем, и каждая из них есть вызов» [3, с. 108]. «Вызов побуждает к росту. Ответом на вызов общество решает вставшую перед ним задачу, чем переводит себя в более высокое и более совершенное с точки зрения усложнения структуры состояние. Отсутствие вызовов означает отсутствие стимулов к росту и развитию» [Там же, с. 119–120]. Вызовы данному обществу историк Тойнби связывает с действием внешних по отношению к нему факторов: природной среды (климатических и географических условий) и человеческого окружения (давление «иноземной социальной силы»). Само возникновение цивилизации, как и ее дальнейший прогресс, определяются, по мысли Тойнби, способностью людей дать адекватный ответ на вызов исторической ситуации. Если нужный ответ не найден, в социальном организме возникают аномалии, которые, накапливаясь, приводят его к «надлому», а затем и к упадку. Выработка адекватной реакции на вызов исторической ситуации принадлежит «творческому меньшинству», которое выдвигает новые идеи и самоотверженно про-

водит их в жизнь, увлекая за собой остальных. Подтягивание нетворческого большинства до уровня «творческих пионеров» осуществляется благодаря свободному мимесису, т. е. подражанию. Ответы на хронологически более ранние вызовы являются источниками новых вызовов.

Трактовка механизма социальных изменений, схожая с подходом А. Дж. Тойнби, согласно которой история той или иной социальной общности, как и общества в целом, представляет собой вереницу ответов на встающие перед ними вызовы или, в другой терминологии, серию решений возникающих в их функционировании и развитии проблем, достаточно часто повторялась в истории социальной мысли.

Близкий подход к объяснению механизма социального развития заложен в марксистской преобразовательной модели общественного процесса. Преодоление несоответствия производственных отношений уровню развития производительных сил есть та системообразующая проблема, через решение которой осуществляется социальный прогресс. «На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества, — писал К. Маркс, — приходят в противоречие с существующими производственными отношениями... Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке» [4, с. 6–7]. Основной пружиной механизма приведения производственных отношений (прежде всего формы собственности на средства производства) в соответствие с новыми производительными силами является резкое обострение социальной напряженности и классовой борьбы. Людским ресурсом, который приводит в действие этот механизм в новое и новейшее время, является, согласно марксистскому учению, главным образом рабочий класс.

Идея развития общества через решение разного рода, прежде всего системообразующих для него, проблем была реализована основоположником концепции постиндустриального общества Д. Беллом. Отмечая, что «любые значимые социальные перемены создают новые управленческие проблемы для общества» [5, с. 661], Белл подчеркивал резкие отличия характера структурных проблем, с которыми сталкиваются общества разного типа. «В индустриальном обществе, — писал он, — главной экономической проблемой была проблема капитала: как институционализировать процесс накопления достаточных сбережений и превратить их в инвестиции? Ее решили с помощью фон-

дового рынка, инвестиционных банков, самофинансирования и государственного налогообложения. Ячейкой социальных отношений являлись предприятие или фирма, а основной социальной проблемой — проблема конфликта между работодателем и рабочим. В той мере, в какой инвестиционные процессы приобрели рутинный порядок, а «классовые конфликты» были изолированы таким образом, что вопрос классовой борьбы перестал быть единственным фактором социальной поляризации, прежние проблемы индустриального общества оказались если не «решенными», то, во всяком случае, лишены остроты. В постиндустриальном обществе главная проблема состоит в организации науки, а важнейшим институтом выступает университет или научно-исследовательская лаборатория [Там же, с. 157–159]. «Концепция постиндустриального общества, — продолжал он, — наводит на мысль, что существует общий круг проблем, во многом зависящих от взаимоотношений между наукой и политикой, которые придется решать этим обществам; однако они могут быть решены разными методами и в разных целях» [Там же, с. 162].

В отличие от марксизма с его особым акцентом на роли в качестве механизма социальных изменений классовой борьбы Д. Белл приоритетное внимание обращает на сознательный характер вырабатываемых решений и «мягкий» вариант их реализации. Постиндустриальное общество, по его словам, «является такой социальной организацией, где принятие решений с необходимостью становится более осознанным» [Там же, с. 57].

В современной социально-экономической и геополитической лексике понятийная связка «вызовы и ответы», а также близкие к ним по своей смысловой нагрузке пары понятий: «угрозы и шансы» или «риски и возможности» становятся ключевыми. Так, в последние годы знаковой стала формула «Глобализация: вызовы и ответы». Вызовы обычно рассматриваются как внутренние или внешние препятствия, дефициты, а также открывшиеся более широкие возможности (открытие новых запасов ресурсов, геополитическое ослабление соседей и т. д.).

Создаются типологии вызовов и ответов. К первым, например, относят демографические (снижение естественного прироста населения, перенаселенность и др.), экологические (изменение климата, истощение ископаемых и других ресурсов, разрушение озонового слоя и др.), экономические (финансовый кризис, экономическая рецессия и т. д.), социальные (бедность, девиации, межрелигиозные и межэтнические конфликты и пр.) и др.

Ответы классифицируются. Например, по критерию результативности и последствий, когда выделяются: «простой успешный ответ» — прекращает или компенсирует действие вызова, ведет к закреплению эффективных способов действия; «перспективный успешный ответ» — помимо преодоления вызова, открывает новые возможности; «безуспешный ответ» — не преодолевает вызова, что ведет к постепенному разрушению системы, появлению и усилению внутренних и внешних вызовов; «деструктивный ответ» — усиливает действие вызова и ведет к более быстрому разрушению системы, лавинообразному появлению и усилению внутренних и внешних вызовов [6].

При всем разнообразии проблем (вызовов), с которыми сталкиваются человеческие сообщества, особое значение имеют те из них, которые воплощают общесистемные процессы, замыкают на себя наиболее общие проблемы функционирования и развития общества в целом или любого другого сообщества, а также их способность адаптироваться к изменяющимся внутренним и внешним условиям существования. Применительно к обществу такого рода проблемы, несомненно, возникают на пересечении двух онтологических оснований социальной реальности: социального порядка (социальной организации) и человеческой деятельности. Решению этих проблем и посвящен третий онтологический вопрос по поводу строения социальной действительности: каковы механизм и направление социальных изменений?

В общих чертах остановимся на том, какие ответы в истории социальной мысли давались на вопросы: во-первых, что является основой социального порядка?; во-вторых, что составляет природу человеческой деятельности?

Как известно, первая развернутая концептуальная трактовка проблемы социального порядка возникла в эпоху Просвещения в теории общественного договора. Т. Гоббс, представив ее в форме парадокса: как возможно общество, если «человек человеку — волк», первым дал определение проблемы социального порядка, впоследствии ставшее классическим: как возможно существование общества, организованной общественной жизни. По утверждению самого Гоббса, безопасность и порядок в обществе могут быть достигнуты только посредством заключения договора, согласно которому каждый гражданин уступает свою индивидуальную власть в пользу центральной власти (суверена), получая взамен гарантии защиты своей жизни и собственности. Вспомним в этой связи гоббсовское определение государства как единого лица, ответственным за действия которого сделало себя путем взаимного договора между

собой огромное множество людей, с тем чтобы это лицо могло использовать силу и средства всех их так, как сочтет необходимым для их мира и общей защиты [7, с. 133].

Объяснение проблемы порядка в том виде, в каком ее сформулировал Т. Гоббс, т. е. почему возможно существование общества, организованной общественной жизни, пытались дать представители практически всех последующих направлений социальной мысли, каждое из которых внесло определенный вклад в ее изучение. Например, в одном случае социальный порядок трактовался как непреднамеренный результат действий многих людей, из которых каждый в отдельности преследует собственные интересы (теория обмена и игровые концепции социально-экономического поведения, представленные физиократами, английскими буржуазными экономистами, утилитаристами и др.). В другом случае он рассматривался как продукт внутреннего согласия большинства членов общества на признание некоторого минимума общих ценностей и норм (теории ценностного согласия, включая символический интеракционизм).

Первоначальный акцент на причинах происхождения социального порядка постепенно, начиная с «социальной статики» О. Конта, сместился на факторы, способствующие сохранению его устойчивости, стабильности. Наиболее развернутое объяснение этих факторов содержится в синтетической теории социального порядка Т. Парсонса, который даже механизмы мотивации интерпретировал как способ приспособления действий отдельных людей к существующему социальному порядку [8]. Проблема изменчивости основ социальной организации представлена в ней преимущественно в виде процесса их формирования, сохранения и разрушения. Р. Нисбет в этой связи справедливо отмечал, что практически все значимые идеи европейской социологии могут быть поняты как ответ на проблему порядка, созданного в начале XIX в. коллапсом старого режима под влиянием индустриализма и революционной демократии.

Традиция анализа проблемы социального порядка в ее гоббсовской постановке: почему возможно существование общества?, на наш взгляд, отчасти схематизировала доминирующие исследовательские подходы и имела своим последствием недостаточное внимание к реальной исторической динамике основ социальной организации, механизмам ее развития и факторам, которые определяют его основное направление. Р. Нисбет отметил это, когда писал, что О. Конт, Г. Спенсер, Ф. Теннис и ранний Э. Дюркгейм не выводили

эволюционистские схемы и схемы теории развития из истории и не основывали на истории, а скорее налагали на историю [9, с. 164–165].

В такой концептуальной трактовке из социально-исторического процесса также стали исчезать действующие в нем люди. В определенной мере эта традиция была прервана концепцией социального действия М. Вебера. Но парадигматический сдвиг в социальной теории от устойчивых органических систем к подвижным областям взаимодействия социальных сил, когда социальный порядок видится как возникающий, конструируемый, постоянный результат достижений агентов действия, производимый и воспроизводимый человеческим действием, П. Штомпка связывает с работами П. Бергера и Т. Лукмана, Н. Элиаса, Э. Гидденса, П. Бурдьё [1, с. 496].

Говоря об участии человека в воспроизведении и воссоздании социального порядка, в целом в социальной жизни и влиянии на ее ход, можно выделить несколько основных направлений. Прежде всего речь идет о повседневных формах поведения, когда люди, по выражению Ф. А. Хайека, «просто живут», действуя привычным для них способом. Повышенный интерес к обыденной жизни, повседневности, инициированный А. Шюцем, вылился в целую серию исследований. Рубежной вехой среди них стали работы Э. Гидденса. Основные идеи Гидденса воплощены в стратификационной модели социального агента. Создавая ее, Гидденс исходил из того, что большинство повседневных действий напрямую не мотивированы [10, с. 44]. Объяснение этих действий он дает с помощью понятий «рефлексивный мониторинг действия» и «рационализация действия». Рефлексивный мониторинг действия состоит в том, что люди постоянно отслеживают ход своей деятельности, действия других, физические и социальные условия и ожидают, что другие поступают аналогично. Под рационализацией действия понимается способность человека осознавать основания своей деятельности, а также его ожидание относительно того, что и другие «в состоянии объяснить, что они делают, если их спросить об этом» [Там же]. Склонность большинства людей к одинаковым повседневным формам поведения ведет, как отмечают П. Бергер и Т. Лукман, сначала к хабиитуализации, т. е. опривычиванию человеческой деятельности, а затем и к институционализации, т. е. формированию социальных институтов и усвоению людьми своих социальных ролей [11, с. 89–91].

Действия индивидов в ситуациях, когда они порывают с рутинной, согласно Гидденсу, направляют мотивы, которые порождают общие планы или программы, а в терминологии Шюца «проекты»,

в рамках которых задается линия поведения. Линия поведения, или, точнее, деятельность, направленная на достижение, реализацию мотивов, составляет содержание второго направления участия человека в социальной жизни и воздействия на ее ход.

Изучение исторической эволюции этой деятельности позволяет не только увидеть разнообразие и изменчивость ее мотивов и форм, зависимость от широкого социокультурного контекста. Еще более важное значение имеют несколько качественных скачков в изменении самого способа жизнедеятельности людей. В общем виде его эволюция может быть представлена следующим образом. При первобытнообщинном строе жизнедеятельность людей была подчинена интересам родовой общины. Содержание личных мотивов подвергалось жесткой, уравнивающей регламентации со стороны общины, стоявшего за нею обычая. Господствовал коллективный путь их достижения. Утверждение приоритета личных мотивов, индивидуальных путей их реализации произошло в переходный период от первобытного к древнему обществу и само по себе составило субъективную основу этого перехода. Приоритет индивидуального мотива первоначально сочетался с его заданностью конкретному человеку. Эта заданность связывалась с социальным происхождением, традицией. В условиях античной цивилизации ее соотносили с космическим роком, судьбой, вера в которую, по характеристике А. Ф. Лосева, удивительным образом совмещалась со свободным использованием своей сознательной воли для реального устройства жизни [12, с. 69]. При феодализме ее основу составила сословно-иерархическая модель, имевшая в христианском мире статус богоустановленного порядка. Дарованная человеку свыше свобода воли оборачивалась здесь дилеммой добра и зла и на деле превращалась в заповедь избегать всего, что может помешать спасению души. Добросовестное выполнение предназначенной социальной роли — путь к спасению.

Преодоление строгой социальной адресованности, предопределенности мотивов, деятельности по их достижению приходится на период становления буржуазного общества, когда человек получил свободу выбора жизненных целей, стал суверенной личностью. Стихийное самоутверждение человеческого субъекта составило суть эпохи Возрождения. Развитие капитализма привело к установлению в качестве главенствующего сначала мотива обогащения, а потом потребления. В настоящее время, согласно Ф. Джеймсону, «постмодернизм дублирует или воспроизводит — усиливает — логику потребительского капитализма». И хотя дальше американский автор задает, хоть

и оставляет открытым, более важный, на его взгляд, вопрос о том, сопротивляется ли постмодернизм этой логике [13, с. 446], осмелимся утверждать, что способ жизни, основанный на свободе человеческого выбора, не отменила даже постмодернистская эпоха.

В соответствии с данным преобразованием способ жизнедеятельности людей (от первобытной коллективности к индивидуальному достижению заданного мотива и далее — к его свободному выбору, основанному на этом выборе образу жизни) шло изменение основ социального порядка. Причем исторический опыт свидетельствует, что, говоря о социальном порядке, прежде всего следует принимать во внимание наличие двух базисных типов социальных связей: общинных и общественных.

Объектом исследования первым, как известно, их сделал Ф. Теннис. Он, во-первых, определил сущность общинных связей как основанных на принципах взаимопомощи и выделил три их базисных типа: родовые, соседские и дружеские. Во-вторых, подчеркнул характерную особенность общественных отношений как обезличенных и основанных на рациональной реализации личных интересов.

Происходившее в ходе истории постепенное вытеснение общинных связей общественными отношениями в решающей степени определило эволюцию социального порядка. Универсальной основой социального порядка в первобытной общине было родство. Из него исходили права и обязанности первобытного человека, модели его поведения и отношений с другими. С превращением семьи в главную хозяйственную ячейку возникла соседская община, ставшая первичной организационной структурой общества. Одновременно с утверждением территориального принципа расселения, образованием племен и их иерархических союзов, разделением социальных общностей на группы с различными интересами — словом, с возникновением общества регулировать сильно усложнившиеся социальные связи стало государство с присущим ему особым аппаратом управления, включая средства насилия.

Сочетание государства и объединений свободных граждан, представленных полисными, городскими, храмово-городскими и другими организациями общинного типа, было отличительным признаком социального устройства древних обществ. Соседская община сохранилась при феодализме, где в отсутствие централизованного государства (в Европе исключение составила Византия) социально-регулятивные функции выполнял сословно-иерархический порядок организации обще-

ства. Произошедший при переходе к капиталистическому строю качественный скачок активности людей привел к резкому ослаблению общинных связей и крушению сословно-иерархической системы. В ответ начался поиск и образование новых форм социальной организации. Их основу составило сочетание гражданского общества и правового государства. Первое из них призвано обеспечить суверенитет личности, свободное проявление и представительство в структуре власти интересов всех социальных групп. Второе – защитить общество от произвола какой-либо из них, утвердить в противовес ему верховенство закона. И при новом порядке организации социальной жизни не исчезли разнообразные формы общинных связей.

Что касается основных требований к новому социальному порядку, то они всегда были одинаковыми: во-первых, способствовать институционализации новых форм жизни. Во-вторых, внести в изменившуюся жизнь людей достаточное организующее начало. Здесь уместно вспомнить тезис П. А. Сорокина о двух стадиях, характеризующих любую революцию. Отличающее первую стадию «требование безграничной свободы, – писал он в работе «Социология революции», изданной в 1923 г., – сменяется жадой порядка; хвала «освободителям» от старого режима сменяется восхвалением «освободителей» от революции, иными словами – организаторов порядка. «Порядок!» и «Да здравствуют творцы порядка!» – таков всеобщий порыв второй стадии революции. Таковыми были Рим во времена Цезаря и Августа, Богемия под конец революции (гуситских войн), Англия во времена протектората Кромвеля, Франция при восхождении Наполеона, такой является сейчас Россия» [14, с. 293].

Особо следует подчеркнуть, что изменение способа жизнедеятельности имеет по отношению к преобразованию основ социального порядка доминирующее значение. А приведение их в соответствие является тем внутрисоциальным вызовом – мы его назвали «энергоинституциональной задачей», – который обуславливает ведущее направление развития общества [См. 15]. Участие в ее решении и есть третье направление влияния человека на ход и преобразование социальной жизни, включая формирование новых социальных институтов.

Еще один принципиальный постулат данного исследовательского подхода состоит в том, что процесс решения «энергоинституциональной задачи», являясь продуктом человеческой деятельности, по своему содержанию, способам вариативен. В этом причина того, что он может носить

своеобразный характер в разных регионах даже в одно и то же историческое время. Особенно очевидно это при сравнении, которое сделал в свое время М. Вебер, трех ветвей социокультурной традиции. Каждую из них отличает специфический характер отношения человека к миру и его поведения. Индуистско-даосистской присуще «бегство от мира», конфуцианско-даосистской свойственно «приспособление к миру», а иудаистско-христианской – ориентация на «овладение миром».

В ситуации нынешнего мирового социально-экономического кризиса естественны вопросы: во-первых, что представляет собой современная «энергоинституциональная задача» (основополагающий внутрисоциальный вызов); во-вторых, какими способами эта задача может быть решена адекватным образом.

Вполне очевидно, что ядро этой задачи составляют взаимосвязанные между собой проблемы конечных пределов потребления и императива глобального выживания. А это, в частности, означает, что если до сих пор основную линию общественного развития определяло самопроизвольное изменение способа жизнедеятельности людей, в соответствие с которым приводился порядок социальной организации, то теперь именно способ жизни должен стать первоочередным объектом осознанного преобразования человеком. Этому должны содействовать соответствующие социальные институты, которые лягут в основу нового социального порядка. Всё чаще их называют глобальными институтами. В настоящее время мы в лучшем случае видим зародыши таких институциональных форм, поэтому нет смысла пытаться представлять здесь их развернутую, тем более законченную структуру.

Формирование адекватного ответа на такой внутрисоциальный вызов, безусловно, связано с решениями и действиями властных структур и лидеров наиболее влиятельных социальных групп, деятельностью общественных движений, изменениями в поведении широких масс населения. В последнем случае, образно говоря, на смену свободному выбору человеком своих желаний должно прийти их свободное же ограничение. Закономерен вопрос: в состоянии ли человек все это сделать? Тем более, что решение «энергоинституциональной задачи» в принципе не гарантируется, образно говоря, никаким социальным законом, а представляет собой результат сознательной человеческой деятельности.

Смеем ответить, что определенные надежды у нас есть. Выше мы уже отмечали, что обращение к конкретному социально-историческому материалу позволяет увидеть появление у человека на

определенном этапе личностного развития способности к осмысленной оценке своей жизни и сознательному конструированию ее смысла.

М. Кастельс применительно к современной ситуации, в частности, отмечает, что логика глобальных сетей настолько повсеместная и всепроникающая, что вырваться из-под их господства можно, только выйдя из этих сетей и реконструируя смысл на основании совершенно другой системы ценностей и убеждений. Вызовы со стороны альтернативных форм общественной организации уже стали реальностью общества информационной эпохи. Эти организации возникли помимо институтов гражданского общества и имеют форму, как их называет М. Кастельс, социальных и культурных автономных идентичностей. Важнейшая их особенность состоит в том, что они вводят альтернативную социальную логику, отличную от принципов функциональности, на которых построены институты гражданского общества. В качестве примеров он приводит инвайронментализм и концепцию устойчивого развития, включающую в новую модель экономического роста межпоколенческую солидарность. Выдвижению подобных альтернатив способствует то, что человек глобального информационного общества представляет собой, как характеризует его М. Кастельс, гибкую личность, способную в большей степени быть нескончаемо вовлеченной в процесс самореконструкции, нежели определять себя через адаптацию к принятым когда-то социальным ролям. В значительной мере это обусловлено тем, что, сделав куда более доступными информационные ресурсы и духовные ценности человеческой цивилизации, глобальное информационное общество резко расширило возможности человека выбирать.

В социальной теории отражением новых, по сути онтологических, т. е. способных оказать кардинальное влияние на механизм социального развития, возможностей человека стал третий фиксируемый П. Штомпкой парадигматический сдвиг — переход от образа «гомо экономикус» (расчетливый, рациональный, целеустремленный деятель), представленного в «теории рационального выбора», и от «гомо социологикус» (нормативно направленного исполнителя роли), представленного «неофункционализмом», к «гомо когитанс» (знающему и понимающему участнику, информированному и ограниченному коллективными символическими системами знаний и веры) [1, с. 496].

В конечном счете можно говорить о том, что ориентация при изучении социальной действительности на три выделенных П. Штомпкой вечных онтологических вопроса об ее устройстве позволяет лучше всего уяснить суть и основное направление изменений, происходящих в обществе. Это, в свою очередь, ведет к парадигматическим сдвигам в социальной теории, позволяющим более полно отразить ход общественной жизни, включая изменения самой социальной реальности.

Список цитированных источников

1. Штомпка, П. Формирование социологического воображения. Значение теории / П. Штомпка // Современная западная социология: хрестоматия. — Минск, 2008.
2. Коллингвуд, Р. Дж. Идея истории: автобиография / Р. Дж. Коллингвуд. — М., 1980.
3. Тойнби, А. Дж. Постигание истории / А. Дж. Тойнби. — М., 1991.
4. Маркс, К. К критике политической экономии / К. Маркс // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. — М., 1959. — Т. 13.
5. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. — М., 1999.
6. Розов, Н. С. Интегральная модель исторической динамики: структура и ключевые понятия / Н. С. Розов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.nsu.ru/filf/rpha/papers/dyn/syp-w.htm>
7. Гоббс, Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Т. Гоббс // Сочинения: в 2 т. — М., 1991. — Т. 2.
8. Абельс, Х. Проблема социального порядка в социологии Т. Парсонса / Х. Абельс [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.soc.pu.ru/publications/pts/abe-ls.html>
9. Nisbet, R. Social Change and History / R. Nisbet. — New York, 1969.
10. Гидденс, Э. Элементы теории структуризации / Э. Гидденс // Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас. — Новосибирск, 1995.
11. Бергер, П. Социальное конструирование реальности / П. Бергер, Т. Лукман. — М., 1995.
12. Лосев, А. Ф. Античная философия и общественно-исторические формации / А. Ф. Лосев // Античность как тип культуры. — М., 1988.
13. Джеймсон, Ф. Постмодернизм и общество потребления / Ф. Джеймсон // Современная западная социология: хрестоматия. — Минск, 2008.
14. Сорокин, П. Человек. Цивилизация. Общество / П. Сорокин. — М., 1992.
15. Рубанов, А. В. Социальное развитие: энергоинституциональный подход / А. В. Рубанов. — Минск, 1994; Рубанов, А. В. К новой стратегии социального развития / А. В. Рубанов. — Минск, 2002.

Дата поступления статьи в редакцию: 22.12.09 г.